

ЭНН ЛЯН

В ЭТОТ РАЗ
ПО-НАСТОЯЩЕМУ

18+

ANN LIANG

THIS TIME
IT'S REAL

ЭНН ЛЯН

В ЭТОТ РАЗ
ПО-НАСТОЯЩЕМУ

*Всем циникам, которые до сих пор
тайно верят в любовь*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КАК ТОЛЬКО Я НАЧИНАЮ переодеваться в школьную форму, замечаю, что за окном моей спальни парит мужчина.

Я делаю шаг к окну, все еще сжимая в руке юбку и чувствуя, как бьется пульс в ушах, и понимаю: *парит* — неправильное слово. Мужчина *болтается*. Его туловище подвешено на двух металлических тросах, которые выглядят опасно тонкими, учитывая, что мы на двадцать восьмом этаже, а летний ветер в полдень дует особенно сильно, закручивая листву и пыль в мини-торнадо.

Качаю головой, недоумевая, с какой стати кому-то понадобилось делать подобное. Что это — новый экстремальный вид спорта? Посвящение в банду? А может, кризис среднего возраста?

Мужчина ловит мой растерянный взгляд и приответственно машет рукой — можно подумать, ему не грозит свободный полет до земли из-за неисправной страховки, ослабленного узла или особо агрессивной птицы. А затем — все так же непринужденно — вытаскивает из кармана мокрую тряпку и принимается тереть разделяющее нас стекло, оставляя разводы белой пены.

Ну да. Конечно.

Мои щеки вспыхивают. Меня не было в Китае столько времени, что я совершенно забыла: так моют окна жилых многоэтажек. Точно так же у меня вы-

летело из головы, как работают линии подземки, или что нельзя смывать туалетную бумагу и что торговаться можно только в определенных магазинах, иначе рискуешь показаться нищим или скрягой. Столько всего изменилось за те двенадцать лет, которые я и моя семья провели за океаном: местные, например, больше не пользуются наличкой.

Серьезно, на прошлой неделе я попыталась дать официантке сто юаней одной купюрой, и она посмотрела на меня так, словно я путешественница во времени, прямиком из семнадцатого века.

— Эй... привет. Элиза! Ты все еще там?

Я едва не ударяюсь об угол кровати, пока в спешке пытаюсь пробраться к ноутбуку, стоящему на двух картонных коробках с пометками «НЕ ОСОБО ВАЖНОЕ БАРАХЛО ЭЛИЗЫ» — распаковать их руки у меня пока не дошли, в отличие от коробки с «ОСОБО ВАЖНЫМ БАРАХЛОМ». Ма думает, что в моей системе маркировки есть пробелы, зато вот в неумении расставлять приоритеты меня точно не упрекнешь.

— Э-ли-за?! — Голос Зои, до боли знакомый даже сквозь динамики, становится громче.

— Да тут я, тут, — откликаюсь я.

— О, хорошо, потому что я не вижу ничего, кроме очаровательной пустой стены. Кстати говоря... Когда ты украсишь свою комнату хоть чем-нибудь? Три месяца прошло, а она до сих пор выглядит как отель. То есть, конечно, весьма милый отель, но...

— Это осознанный выбор! Знаешь, минимализм, все такое.

Она фыркает. Врать я умею отлично, но проблема в том, что Зои не ведется на мою ложь.

— Да ладно!

— Конечно, почему нет, — продолжаю я и поворачиваю ноут к себе. В левой части экрана — эссе к уроку английского и миллиард вкладок «как написать правдоподобную сцену поцелуя тому, кто ни разу не целовался»; в правой — очаровательно ухмыляющееся лицо моей лучшей подруги.

Зои Сато-Мейер восседает у себя на кухне, на ее хрупких плечах любимый твидовый жакет. Собранные в высокий хвост тяжелые черные локоны подсвечены лампами люстры, находящейся у нее за головой, и этот «нимб» придает Зои вид стильного семнадцатилетнего ангела. Кромешная темнота в окнах позади нее и упаковка дымящейся быстрорастворимой лапши на кухонной стойке (так подруга представляет себе ночной перекус) — единственные подсказки, что прямо сейчас в Лос-Анджелесе ближе к полуночи.

Я настраиваю камеру ноутбука.

— О боже мой! — Взгляд Зои скользит по моей поношенной блузке в горошек. — Поверить не могу, что эта кофта до сих пор с тобой! Это та, которую ты носила еще в восьмом классе?

— Ну и что? Она удобная, — говорю я, и это чистейшая правда. Но кажется, правда и то, что эта поношенная блузка — одна из немногих вещей, оставшихся неизменными в шести разных странах и двенадцати школах.

— Ладно, ладно! — Зои поднимает руки вверх. — На вкус и цвет... Но тебе не кажется, что стоит поработать над стилем? Хотя можешь приберечь эту вещьцу для будущих родительских собраний...

Мое внимание привлекает юбка с непривычным логотипом, вышитым на жесткой, напоминающей пластик ткани: «ПЕКИНСКАЯ МЕЖДУНАРОД-

НАЯ ШКОЛА “УЭСТБРИДЖ”». В животе закручивается узел.

— Угу... — бормочу я. — Мне и правда пора сменить имидж.

Мойщик окон по-прежнему снаружи, так что я задергиваю шторы — но успеваю бросить взгляд на раскинувшийся внизу жилой комплекс. Хотя место и называется «Лазурное озеро», голубого цвета среди аккуратных рядов построек и ухоженных газонов очень мало, но зато полно зеленого: искусственное озеро в центре комплекса и прилегающие к нему пруды с лотосами; просторное поле для мини-гольфа и теннисные корты у парковки; пышная трава вдоль посыпанных галькой дорожек и деревья гинкго. Когда мы только заселились, район напомнил мне модный курорт, и в этом есть доля истины — вряд ли мы останемся здесь дольше, чем на год.

Пока я влезаю в форму, Зои щелкает пальцами и говорит:

— Напомни-ка мне, зачем ты пишешь о несуществующем парне?

— Не пишу. Уже написала, — поправляю я, натягивая рубашку через голову. — Работа сдана. У меня не было никакого желания выдумывать историю об идеальных отношениях, но о чем еще... — Прерываюсь, чтобы высвободить длинную прядь иссиня-черных волос, запутавшихся в пуговицах блузки. — Это задание сдаем сегодня, и это часть итоговой работы, так что... сама знаешь. Пришлось проявить изобретательность.

Зои снова фыркает — на этот раз так громко, что микрофон трещит.

— Ты в курсе, что в таком эссе обычно пишут правду, да?

— Нет, — говорю я невозмутимо. — Нельзя врать в эссе о себе? Офигенно! Я в шоке. Вся моя жизнь — ложь.

Честно говоря, я не просто так решила превратить серьезное домашнее задание в романтическую историю на четыре тысячи слов. Просто оно предполагало рассказ о личном. Всему виной глупый роман, который мы изучали в первую неделю занятий: «В книге “Когда соловьи запели в ответ” говорится, что у Люси и Тейлора есть собственный тайный язык, которого никто больше не знает. С кем у вас общий тайный язык? Как он сформировался? Что этот человек значит для вас?»

И если бы дело было только в этом, я, возможно, стиснула бы зубы и написала лишь слегка приукрашенный текст об одном из родителей, или о моей сестренке, или о Зои... Только вот мы должны опубликовать законченное сочинение в блоге школы «Уэстбридж». То есть на публичной платформе, где кто угодно — любой одноклассник, для которого я новенькая или та-что-недавно-переехала-из-Штатов, — сможет увидеть его и оставить комментарий.

Ни за что не стану делиться подробностями своих отношений с близкими. Даже в вымышленном тексте некоторые детали кажутся слишком уж откровенными: например, как я водила пальцами по линиям ладони вымышленного парня, делилась секретами в полутьме, говорила, что он для меня целый мир, что с ним я чувствую себя дома.

— ...Вообще не волнуешься, что в школе могут... ну не знаю, прочесть эссе и потребовать рассказать о твоём парне больше? — не сдаётся тем временем Зои.

— Я все предусмотрела, — утверждаю я, снова распахивая шторы. Комнату мгновенно заливают светом, крохотные пылинки плавают перед теперь уже пустым окном. — Я не называла имен, так что никто не сможет выследить этого вымышленного парня. К тому же я написала, что встретила его три месяца назад, пока родители искали квартиру, — весьма правдоподобно, и никаких намеков на то, в какую школу он ходит. И раз уж мы вместе недавно и не хотим торопить события, нам нравится встречаться тайно. Видишь? — Я встаю перед камерой и обвожу руками воздух. — Элементарно!

— Ого! — Зои делает вдох. — Вот это уровень подготовки! — говорит она, раздраженная и заинтригованная одновременно. — И все ради того, чтобы не писать правду?

— Таков план.

Следует краткая пауза, нарушаемая лишь чавканьем Зои, которая всасывает лапшу по ту сторону экрана, и стуком шагов за дверью моей комнаты. Затем подруга вздыхает и как-то слишком обеспокоенно спрашивает:

— У тебя точно все хорошо в новой школе? Ты... э-э-э... осваиваешься?

— Что? — Ее тон мне не нравится. Я чувствую, как внутри все замирает, а мышцы напрягаются, будто в ожидании удара. — А почему... почему ты спрашиваешь?

— Не знаю. — Зои дергает плечом, ее конский хвост подпрыгивает в такт движению. — Просто... чувствую.

От неловкого разговора меня спасает оклик Ма, который доносится из холла с громкостью, куда более уместной для поисково-спасательных миссий:

— Ай-Ай! Водитель ждет!

Ай-Ай — мое китайское прозвище, которое можно перевести как «любовь». Если исключить вымышленные отношения, не могу сказать, что соотвечствую ему.

— Иду! — кричу я в ответ, затем оборачиваюсь к экрану. — Надо бежать.

Зои ухмыляется, и я выдыхаю, испытывая облегчение от того, что наш разговор по душам не состоится.

— Ага, думаю, это слышала вся планета. Передавай маме привет от меня.

— Хорошо. — Прежде чем выключить ноут, я складываю сердечко из большого и указательного пальцев (жест только для Зои, ни для кого больше!). — Скучаю по тебе.

— А я по тебе. — Зои посылает мне воздушный поцелуй, и я смеюсь.

Тугой узел в животе немного ослабевает. С тех пор как два года назад я уехала из Лос-Анджелеса, мы завершаем каждый звонок именно так — и неважно, насколько мы заняты или устали, как долго говорили или как много времени пройдет, прежде чем нам удастся поболтать снова.

Скучаю по тебе.

Конечно, это не сравнится с ночевками у нее дома, где мы валялись на диване в пижамах, пока на ноутбуке был включен какой-нибудь сериал «Нетфликса», а мы передавали из рук в руки тарелку приготовленных ее мамой рисовых шариков. И уж точно не сравнится с нашими поездками на пляж по воскресеньям, где калифорнийское солнце припекало кожу, а ветер развевал спутанные солью волосы... Разумеется, нет.

Но сейчас и этого маленького простого ритуала достаточно. Потому что это *наше*.

Водитель припарковал машину сразу за жилым комплексом, в пятнистой тени ивы.

Формально Ли Шушу* не наш семейный водитель, а мамин — преимущество занимать руководящую должность в суперпрестижной международной консалтинговой компании, побочный эффект — «прости-что-заставляю-тебя-переезжать-с-места-на-место-почти-каждый-год!». И поэтому, выскочив из автомобиля, Ли Шушу приветствует Ма первой.

— Юй-нуйши, — говорит он, с легким поклоном открывая для нее дверцу. «Мадам Юй».

Подобная обходительность, даже по отношению к кому-то другому, каждый раз вызывает у меня необъяснимый дискомфорт, однако Ма просто улыбается водителю и грациозно садится в машину. Глядя на нее в этот момент — фарфоровая кожа, солнцезащитные очки, идеально сидящий костюм и безупречная стрижка, — ни за что не догадаешься, что она росла в бедном провинциальном городке, отвоевываая еду у шести братьев и сестер.

Остальные втискиваются на заднее сиденье в обычном порядке: мы с папой возле окон, моя девятилетняя сестра Эмили — посредине.

— В школу? — заводя двигатель, спрашивает меня водитель, медленно и четко выговаривая слова мандаринского наречия.

Запах новой кожи и — паров бензина наполняет замкнутое пространство. Ли Шушу пробыл рядом

* Дядя Ли, с *кит.* шушу — «младший брат отца». — Здесь и далее примечания переводчика.

уже достаточно долго, но все еще не уверен в моем уровне владения китайским.

— В школу, — подтверждаю я, старательно игнорируя спазмы в животе.

Я и так ненавижу ходить в «Уэстбридж», а в дни родительских собраний — тем более. Если бы не тот факт, что Эмили посещает ту же самую школу и у нее тоже сегодня собрание, я бы обязательно придумала, как оставить нас всех дома. Но уже слишком поздно.

Я откидываюсь на сиденье и прижимаюсь щекой к прохладному стеклу, наблюдая, как наш жилой комплекс становится все меньше и меньше, пока не исчезает полностью, сменившись шумной картиной города.

С тех пор как мы вернулись, это мой любимый способ проводить время в машине. Прилипнуть к окну и всматриваться в зигзаги пекинской линии горизонта, путаницу перекрестков и кольцевых дорог, яркие скопления ресторанчиков и переполненных гастрономов. Пытаясь запомнить все это, точнее пытаясь *вспомнить*.

Меня всегда удивляло, как обманчивы самые популярные фотографии Пекина. Они либо изображают город огромным постапокалиптическим миром, отравленным смогом и битком набитым людьми в дыхательных масках, либо показывают его похожим на нечто прямиком из высокобюджетного фантастического фильма: сплошь элегантные небоскребы, ослепительные огни и кричащая роскошь.

Снимки редко передают истинную энергию города, ту энергию, что бурлит везде, как дикое под-

водное течение. Кажется, все без исключений толкаются, спешат, стремятся к большему, снуют туда-сюда: будь то курьер, лавирующий в потоке машин позади нас на скутере, навьюченном десятками коробочек с едой, или бизнесвумен, лихорадочно с кем-то переписывающаяся в мерсе слева от нас.

Мое внимание привлекает песня известного китайского рэпера, заигравшая по радио. Через зеркало заднего вида замечаю, что Ма снимает очки и заметно морщится.

— Почему он издает эти звуки: «си-гэ си-гэ»? — спрашивает она секунды через три. — У него что-то в горле застряло?

Я давлуюсь смехом.

— Так звучит современная музыка, — говорит Ба* на мандаринском, как всегда дипломатично.

— Как по мне, это даже мило, — встречаю я, покачивая в такт головой.

Ма оглядывается на меня с равнодушно-хмурым видом:

— Не верти так головой, Ай-Ай. Выглядишь как цыпленок.

— В смысле, вот так? — Я качаю головой сильнее.

Ба прикрывает улыбку рукой, Ма цокает языком, а Эмили — мне всегда казалось, что на самом деле она восьмидесятилетняя старушка, заключенная в крошечном теле девятилетки, — испускает долгий, театральный вздох.

— Подростки, — бормочет она.

Я подталкиваю ее локтем в ребра, на что она отвечает тычком, между нами завязывается шуточная

* Ба или Баба (*кит.*) — папа.

борьба, которая прекращается, только когда Ма грозит накормить нас на ужин пустым рисом.

Если честно, именно в эти моменты — когда машину наполняет музыка, за окнами свистит ветер, послеполуденное солнце золотит деревья, а моя семья здесь, рядом со мной, — я чувствую... счастье. Подлинное, истинное счастье, вопреки всем переездам, расставаниям и новой жизни. Вопреки всему.

